

Вырезка из газеты

ЗАБАЙКАЛЬСКИЙ
РАБОЧИЙ

г. Чита

от - 7 АПР 1983
Газета №

ТЕАТР

ПОЧЕМУ МЫ ВЕРТЕЛИСЬ?

Заметки
зрителя

Я ТОЛЬКО зритель. Мне нравятся спектакли Читинского драматического театра. Он растет. Завоевал зрителя. Все чаще и чаще в его постановках видишь не отдельных актеров, а слаженный ансамбль. И тогда забываешь про сцену, про зрительный зал, а просто переживаешь куски настоящей жизни, возвращаясь домой, думаешь о пережитом.

Мне кажется, что некоторые сцены спектакля «День рождения Терезы» в нашем театре сыграны лучше, выразительнее, чем в Московском им. А. С. Пушкина. Наш театр не имеет таких провалов, как «Антей» на сцене театра имени Моссовета, или таких неприятных, вызывающих трактовок, как последняя постановка пьесы «Мой друг» Погодина в театре имени Ермоловой.

И вот мы идем на премьеру «Чудеса в гостиной». Никто из нас не знает содержания пьесы и поэтому спектакль интересует вдвойне. Входим в зрительный зал. Направо, у директорской ложи, крест. Контуры распятия напоминают реактивный самолет.

Занавеса нет. На открытой сцене — торшер, тахта, полки с бутылками вина, мягкие кресла. А по бокам — еще два ряда обычных, «зрительских» кресел. Какие-то люди, один за другим, занимают места в этих креслах.

Это, наверное, статисты. Мы переглядываемся с ними. Шутим.

Все это — и Христос на истребителье, и отсутствие занавеса, и кусок зрительного зала на сцене — настраивает на игривый лад. Ждешь какой-то шутки, гротеска. Вроде постановки «Принцессы Турандот» у Вахтангова, где некоторые артисты одевались прямо на сцене.

Свет погас. К распятому Христу подходит артист Митин в арестантской одежде. Мне нравится Митин, умеющий просто, задушевно довести до зрителя образ. Он, кажется, говорит что-то трагическое. Но я не слышу его. Эти тридцать или сорок человек, сидящих на сцене, кашляют, шаркают, не дают сосредоточиться.

Я жду, что они вот-вот вступят в игру. Это интригует все больше и больше. И отвлекает.

Но я все еще настроен игриво и жду, что Митин бросит сейчас драматический тон и покажет свой комический талант, как это было недавно в спектакле «Баян». Тогда, наверное, вступят в действие те странные статисты, что сидят против нас на сцене.

Вдруг где-то сзади раздается шум. Оглядываюсь. Через весь зрительный зал проложен узкий трап. По нему Митин ползком тащит артиста Каспарова. Трап проложен на высоте лиц зрителей. Вижу испуганных женщин. Одна из них отшатнулась и защищает свои щеки от ботинок Каспарова. Другая боится, что артисты свалятся. Страхуя их, она привстала и подталкивает их ноги обратно на трап.

Действие продолжается. Пьеса, кажется, совсем не похожа на комедию-буфф. Это, кажется, драма. Но зрители еще переживают происшествие на трапе. Слышится шутки, смешки.

Я хочу сосредоточиться, но соседка слева шепчет мне на ухо:

— Не знаете, кто эти люди?

— Где?

— Да вон на сцене в креслах.

— Понятия не имею.

— Когда они вступят в игру?

— Не знаю. Наверное, скоро.

Неожиданно действие развернулось где-то влево от нас.

Там, возле лож, оказывается еще один трап. Зачем? Передачу телеграмм можно было сделать на авансцене. Потом действие возникает опять позади нас, в глубине зрительного зала.

— Извините, — прерывает мои мысли соседка слева. — Я попрошу вас, смотрите на сцену, а я буду смотреть назад.

— ???

— Вы разве не заметили, что за спиной сейчас происходит самое главное? Герой пишет письмо любимой. Это так эмоционально!

Я согласился. Смотрю на сцену.

Шепчу на ухо соседке о том, что там происходит, а она сообщает, что происходит у меня за спиной. Таким образом, мы оба более или менее в курсе дела.

Но впереди нас сидят три недогадливые девушки. Они вертятся в креслах, стараясь разглядеть все. Одна из них, очевидно, устав, опускает голову и перестает смотреть на сцену и на трап.

И мне становится обидно за талантливую артиста Митина. К половине зрителей он стоит спиной и раздражает их, закрывая часть сцены. Другая половина тоже раздражена тем, что он стоит у них за спиной, и они не видят того, что должны были видеть.

— Но кто перед нами сидит на сцене? Когда они начнут играть? — напоминает моя соседка.

Девушка оборачивается и сердито говорит:

— Это же публика! С тех мест, что заняты трапом. Им еще хуже, чем нам. Я говорила с одной в антракте. Спрашивает меня: молодой или нет герой? Она только спину видела.

Зажигается свет. Мы выходим из театра.

Кажется, пьеса была хорошая. Кажется, ее хорошо сыграли. Или Лапичкай была чуть скована? А может быть, нет? Я не знаю. Я или вертелся, или сидел, опустив голову, не зная, куда смотреть, или разглядывал ребус с Христом на самолете, трапами и десятками сидящих против меня людей.

Нас обгоняют две женщины.

— Век не ходила в театр, и закаялась, — говорит та, что моложе.

— Вы неправы! — хочется крикнуть ей. — Такое, наверное, больше не случится!

И я жду следующей премьеры. Вот она, «Лев Гурыч Синичкин». Мы выходим с нее веселые, взволнованные, и мне хочется снова увидеть ту женщину, которая «закалялась ходить» в Читинский театр, увидеть и сказать:

— Сходите на этот спектакль.

Впервые спектакль «Лев Гурыч Синичкин» я смотрел в Московском театре сатиры. Синичкина играл Кара-Дмитриев. Мне показалось, что П. С. Славинский сыграл не хуже. Очень яркие запоминающиеся образы создали артисты Т. В. Алексанян, И. В. Кузин, Е. Т. Савкин, И. В. Шварцберг, С. Н. Рогинский, И. Д. Клейн, Н. Н. Забелин... Послушайте, я, кажется, перечислил почти всех артистов, занятых в этом спектакле? Так и надо! Они играли хорошо, весело, с выдумкой. По-своему!

Так сходите обязательно! Этот спектакль ставил главный режиссер театра Г. Л. Дрознес. У него очень интересные постановки. А почему главный режиссер не помог своему молодому собрату, режиссеру А. Балтрушайтису, сделать сцену — сценой, а зал — залом, — этого я не знаю. Ведь я — только зритель.

В. ЛЯХНИЦКИЙ,
геолог.